

Генезис эгалитарных обществ («соприсяжных братств», «псухо») в Западной Черкесии в XVIII — первой трети XIX в.: факторы развития, вопросы типологии

Хотко С.Х.*

Аннотация

На протяжении второй половины XVIII в. и первой трети XIX в. в ряде западных областей Черкесии был осуществлен переход от многовековой традиции иерархического управления к обществу полисного типа. Процесс ускоренной эмансипации, организованный представителями верхнего слоя тфокотлей (лично независимых крестьян), позволил стать полноправными членами самоуправляющихся обществ (политий) массе зависимых крестьян и переселенцам из других черкесских территорий, на которых сохранялась власть князей.

Базовым фактором развития социальных процессов, направленных на эмансипацию зависимых групп населения, признается укромность ландшафта. Наиболее известные примеры связаны с горными территориями. Кардинальная социально-политическая трансформация у черкесов произошла под влиянием ряда фундаментальных факторов: 1) демографический рост горских обществ, обеспеченный естественным приростом на основе прогресса в сельском хозяйстве, отсутствием разорительных вторжений и катастрофических эпидемий на протяжении XVII–XVIII вв., переселением крестьянских семейств из равнинных княжеств; 2) широким распространением огнестрельного

* Самир Хамидович Хотко, доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела этнологии Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева, 385000, Россия, Республика Адыгея, Майкоп, ул. Краснооктябрьская, 13. Тел.: (8772) 52-16-23, e-mail: inalast@mail.ru, ORCID: 0000-0002-5097-5864.

Samir Hamidovich Khotko, Doctor of History Sciences, Leading Researcher, Ethnology Department, Adygean Republican Institute of Humanitarian Researches named after T.M. Kerashev, 385000, Republic of Adygea, Maykop, Krasnooktyabrskaya St., 13. E-mail: inalast@mail.ru

(Received/Дата отправления: 07.12.2022; Accepted/Дата принятия: 05.01.2023)

оружия, начиная со второй трети XVII в.; 3) распространением в этих условиях исламской эгалитаристской идеологии. Преобразования и новые правила общественной жизни и морали носили у черкесов преимущественно неконфликтный, консенсусный характер.

Отличие черкесских горизонтально структурированных обществ от классического полиса состояло в том, что здесь была внедрена раздвоенная лояльность: не только своей территориально организованной общине («псухо»¹), но и квази-родственному объединению — так называемому «соприсяжному братству». Члены такого братства, базовый уровень которого действительно был связан с разросшимися семьями, объединялись на основе принесения клятвы, считали себя родственной группой. Она предоставляла защиту (военную и юридическую) не только крестьянам, но и присоединившимся дворянским фамилиям. Представители дворянских родов отныне действовали на равных со старшинами тфокотлей. Таким образом, Натхокуадж, Шапсугия и Абадзехия состояли из полисоподобных территорий-псухо, которые управлялись народными собраниями и избираемыми судьями, и сами делегировали депутатов на «племенные» собрания. Параллельная структура была основана на экстерриториальной связи и взаимной лояльности «соприсяжных братств». Эти пересекающиеся и наслаивающиеся друг на друга сети доверия создали исключительно дисциплинированное, сознательное и безопасное общество, стремительно изживавшее такие укорененные негативные явления, как разбой, кровная месть, преступления против личности, работорговля.

Ключевые слова: политогенез, соприсяжное братство, псухо, клятва, демократия, полития, полис, коммуна, компания, среднее сословие.

¹ В пределах СЗК население группировалось по водораздельным хребтам и вдоль течений рек. В этой связи, закономерно, что определение *общество* в значении социально тесно взаимодействующих населенных пунктов, в адыгском синонимично лексеме *псухо* (псыхьо, «речная долина») (Гарданов 285–286).

The Genesis of Egalitarian Societies (“Sworn Brotherhood”, “Psukho”) in Western Circassia in the 18th — First Third of the 19th Centuries: Development Factors, Issues of Typology

Abstract

During the second half of the 18th century and the first third of the 19th century in a number of western regions of Circassia, a transition was made from the centuries-old tradition of hierarchical administration to a polis-type society. The process of accelerated emancipation, organized by representatives of the upper layer of tfokotls (personally independent peasants), allowed a mass of dependent peasants and migrants from other Circassian territories, where the power of princes remained, to become full members of self-governing societies (polities).

The seclusion of the landscape is recognized as the basic factor in the development of social processes aimed at the emancipation of dependent groups. The most famous examples are associated with mountainous areas. A cardinal socio-political transformation among the Circassians occurred under the influence of a number of fundamental factors: 1) the demographic growth of mountain societies, ensured by natural growth based on progress in agriculture, the absence of devastating invasions and catastrophic epidemics during the 17th and 18th centuries, the resettlement of peasant families from the plains principalities; 2) the wide distribution of firearms, starting from the second third of the 17th century; 3) the spread of Islamic egalitarian ideology under these conditions. Transformations and new rules of social life and morality among the Circassians were predominantly non-conflict and consensus.

The difference between the Circassian horizontally structured societies from the classical polis was that bifurcated loyalty was introduced here: not only to their territorially organized community (“psukho”), but also to a quasi-related association — the so-called “sworn brotherhood”. Members of such a brotherhood, whose basic level was really connected with extended families, united on the basis of taking an oath, considered themselves a kindred group. These fraternities provided protection (military and legal) not only to peasants, but also to the affiliated noble families. From now on, representatives of noble families acted on an equal footing with the foremen of tfokotls. Thus, Natkhokuaj, Shapsugia and Abadzekhia consisted of polis-like territories, which were governed by popular assemblies and elected judges, and themselves delegated deputies to “tribal” assemblies. The parallel structure was based on the extraterritorial connection and mutual loyalty of “sworn brotherhoods”. These intersecting and overlapping networks of trust have created an exceptionally disciplined,

conscious and safe society, rapidly eradicating such rooted negative phenomena as robbery, blood feuds, crimes against the person, and the slave trade.

Keywords: politogenesis, sworn brotherhood, psukho, oath, democracy, polity, polis, commune, compagna, middle class

Введение

На протяжении средних веков и нового времени Черкесия представляла собой конфедерацию княжеских владений. Типологически черкесское княжество сопоставимо с древнерусским княжеством, в котором управление осуществлялось через дружину. Согласно теориям типологии раннего государства, которые развиты в работах по политической антропологии, адыгское княжество можно определить как сложное (составное) вождество (Крадин) или аналог раннего государства (Гринин).

На протяжении XIII–XVIII вв. традиционная феодальная Черкесия не проявляла заметной потенции к формированию общенациональной политической системы. Напротив, происходил процесс фрагментации княжеств, распадавшихся на уделы. На этом фоне с середины XVII в. в причерноморских горах Черкесии начался трансформационный процесс, направленный на уничтожение института княжеской власти и связанной с ним иерархии, и переход к эгалитарной политической системе.

Общества, стоявшие у истоков самоуправления, занимали глубинные районы Северо-Западного Кавказа, поэтому изменения нарастали незаметно для иностранных наблюдателей. Затем, по мере демографического и территориального роста, к середине XVIII в. эти общества вышли на равнину и стали играть заметную роль во внутренней и внешней политике Черкесии. Одновременно в политической жизни этих обществ усиливались эгалитарные тенденции, которые нашли свое выражение в скачкообразном переходе 1790-х гг. к демократическому правлению.

Власть принадлежала отныне только народному собранию, в котором большинство мест было занято старшинской элитой тфокотлей (свободных крестьян). Судебная власть была распределена между народным собранием, третейскими («присяжными») судами и кадиями. В случае тяжких преступлений

(похищение, вооруженный грабеж, причинение вреда здоровью, убийство) сбор штрафа брало на себя целое общество (сначала родственники, потом все представители соприсяжного братства). Личности с устойчивым криминальным поведением изгонялись родственниками, которые выбирали до определенного порога между проявлением солидарности и собственным разорением. В середине XVIII в. «цена крови» простолюдина более чем в два раза уступала счету за убийство дворянина; затем, после установления демократического режима, она сначала почти сравнялась и впоследствии сравнялась полностью (Люлье, Учреждения..., 12).

Выход из вековой традиции иерархического управления не случайно был осуществлен горцами. «Важной чертой небольших обществ (в том числе горских), — отмечают Н.Н. Крадин и Т.Д. Скрынникова, — является высокая степень политической активности, тогда как у подданных равнинных аграрных государств отмечается более пассивное политическое поведение» (Крадин, Скрынникова, 48).

Схожие процессы имели место в Ингушетии, Чечне и нагорном Дагестане. В кавказоведении получили признание такие определения как «вольные общества» (в отношении Восточного Кавказа) и «демократические племена» (в отношении Северо-Западного Кавказа). Имела место дискуссия, посвященная уровню социально-политического развития и правомерности применения таких дефиниций как племя, феодализм, демократия. В рамках формационного подхода подыскивались объясняющие определения, подчеркивающие пребывание на переходной стадии от первобытно-общинного строя к феодализму: ранний феодализм, военная демократия. Соответственно, получалось, что горские общества указанных территорий веками, а то и тысячелетиями находились в стадии перехода к феодализму. Получалось также, что имел место очевидный регресс: от более высокой стадии формационного развития горцы перешли едва ли не на племенной уровень.

В позднесоветский период наметился поиск новой теоретической парадигмы, которая позволяла создать непротиворечивое описание социально-политического строя «вольных

обществ». М.А. Агларов в монографии 1988 г. (под редакцией В.К. Гарданова, ведущего специалиста по общественному строю адыгов) предложил отойти от поиска формы общественного устройства «вольных обществ» Дагестана в категориях только феодального уклада, когда им «отводится роль первых стадий начальной фазы феодальной формации» (Агларов, 4). На основе историко-сопоставительного подхода, исследователь определил самоуправляемое политическое образование («вольное общество») как полис, присущий не только античной Греции, но и некоторым другим ареалам Циркумпонтийского региона (Агларов, 4). Намеченный М.А. Агларовым подход получил развитие в российской политантропологии (Крадин, 47). В категориальном аппарате политантропологов общества делятся на иерархические (к которым относятся и феодальные модели) и эгалитарные, но и те, и другие имеют равный эволюционный статус. Х.Дж. Классен подчеркивает, что социальная эволюция не имеет заданного направления, но очень часто означает только качественную реорганизацию общества, переход из одного структурного состояния в другое (Классен, 53).

Это и произошло в западных областях Черкесии, которые из иерархического общества трансформировались в неиерархическое (эгалитарное) общество с одной большой стратой «граждан», в своего рода полис. Внутри этой страты были и бывшие знатные, еще не утерявшие окончательно привилегии, и старшинская элита тфокотлей, вся масса тфокотлей и бывшие крепостные. Все они теперь управлялись посредством институтов народного собрания и суда присяжных. «Племенные системы такого типа, — пишет А.В. Коротаев о северокавказских «племенах», возникших на основе распавшихся вожеств, — предполагают прежде всего высочайший уровень развития политической культуры, и существование изоцированной системы политических институтов и традиций арбитражного посредничества, поиска консенсуса и т.д., развитой разветвленной сети межобщинных связей на гигантских территориях, населенных десятками и сотнями тысяч человек, организующей (без применения централизованного насилия) все эти массы населения» (Коротаев, Социальная..., 141).

Д.М. Бондаренко и А.В. Коротаев отмечают, что иерархические и неиерархические общества отличаются друг от друга по способу «интегрирования локальных социумов в единый надлокальный социальный организм». У первых он носит преимущественно насильственный характер, у вторых — ненасильственный, более или менее добровольный. Это и есть в самом общем плане синойкизм. Важно, что «только на этом эволюционном направлении оказывается возможным становление гражданского общества» (Бондаренко, Коротаев, 133).

Очевидно, что полис представлял собой в своих наиболее зрелых формах город-государство, «мельчайшее раннее государство», но надо понимать, что в Греции существовали полисы, «не имевшие собственных городских центров, однако воспринимавшихся и самими гражданами, и другими эллинами как полисы» (Гринин, 44, 78). В архаический период возникло многообразие типов и форм полисной организации: полис мог быть не только городским, но и аграрным, занимающим большую площадь (Андреев, 88–89). Главный признак полиса усматривался эллинами не в торгово-ремесленной деятельности внутри городских стен, а в политической самостоятельности населения (Андреев, 74).

Многие полисы архаической и даже классической Греции оставались без выраженного административного аппарата. Именно с этой группой периферийных полисов вполне сопоставимы кавказские демократические общества. Д.М. Бондаренко определяет их как сложные негосударственные общества, альтернативные раннему государству (Бондаренко, 115). Для определения альтернативных раннему государству форм политической организации предлагаются термины *параполитейность* (государствоподобность) и *параполис* (неиерархическая, полисоподобная структура) (Маслов, Попов, 333–334).

Согласно Л.С. Васильеву, «ранние эллинские полисы были самоуправляемыми городами-государствами» республиканского типа, что в корне отличало их от древневосточных (египетских и шумерских) «протогосударственных урбанистических образований». «По сути своей рождение буквально из ничего столь сложного и принципиально нового социально-

политического, экономического и цивилизационно-культурного феномена, — отмечает Л.С. Васильев, — было чем-то вроде социальной мутации, великой революции, сопоставимой по ее значению для исторического процесса с неолитической» (Васильев, 103). По определению М. Манна, «полис был самоуправляемым территориальным государством города и сельскохозяйственных провинций, в нем каждый мужчина, владевший землей, будь то аристократ или крестьянин, рожденный на его территории, обладал свободой и гражданством» (Манн, 299). Полисная организация опиралась на два принципа: «гражданское равенство собственников земли» и «лояльность территориальному городу, а не семье или клану» (Манн, 299).

Проблема перехода части северокавказских обществ от иерархической социальной организации к неиерархической рассмотрена в работах Г.М. Дерлугьяна, известного российско-американского историка и социолога. Г.М. Дерлугьян выделяет такие факторы как утрата феодальными сословиями монополии на насилие, что было вызвано широким распространением огнестрельного оружия; демографический рост в горной зоне; опора крестьянских союзов на исламскую идеологию всеобщего равенства (Дерлугьян, 41). Согласно Г.М. Дерлугьяну, ключевой признак полисоподобного общества — это складывание политического объединения свободных горцев, каждый из которых обязуется вооружиться за собственный счет и «воевать на равных» (Дерлугьян, 149–150).

Черкесские институты и практики самоуправления рассмотрены в работе П. Мэннинга (Manning). Он уделил особое внимание проблеме восприятия черкесских социальных и политических институтов в больших нарративах Дж. Бэлла и Дж. Лонгворта. Как отмечает Мэннинг, Лонгворт стремился дать максимально точное описание черкесских институтов, но при этом невольно был вынужден обращаться к знакомым ему хорошо социальным категориям английского общества и, в первую очередь, к такому понятию как либерализм. «Это позволило ему увидеть черкесское государственное устройство по существу “точно таким же, как Англия”»: увидеть в черкесах некое подобие английских йоменов, а в черкесских политических

структурах — своего рода имплицитный либерализм» (Manning 595). «Верность Бэлла черкесской терминологии подчеркивала ориентализирующую *инаковость*, в то время как использование Лонгвортом терминологии британского либерализма подчеркивало *оксидентализирующую* (представляющую как западную, *прим. С.Х.*) идентичность черкесских и британских институтов» (Manning, 595).

Представляет также интерес статья У. Хорака, который попытался вписать в мир-системный подход как Черкесию, так и «социальную революцию» в ней. Совершенно гипертрофированное внимание молодой исследователь уделил работам: якобы Черкесия была вписана в мир-систему только в качестве поставщика невольников (Ногак, 50–52). Это крайне спорный подход сам по себе, но и кроме того он вообще не работает в плане прояснения факторов демократического перехода. Полностью отсутствует материал о Черкесии как зернопроизводящей территории, хотя именно это и было основным проявлением ее периферийной роли в зарождающейся европейской мир-экономике на протяжении всего генуэзского периода (1266–1475).

Источники П. Мэннинга и У. Хорака ограничены текстами Бэлла и Лонгворта, тогда как для анализа и самих этих текстов, и проблемы соприсяжных братств крайне важны русские источники: Л.Я. Люлье (жил в Натухае с 1820 по 1828 гг. в качестве комиссионера Рафаэля Скасси, возглавлявшего торгово-дипломатическую миссию в османской Черкесии, знал черкесский язык до такой степени, что его привлекало командование в качестве переводчика; составил первый русско-черкесский словарь); Султан Хан-Гирей (автор «Записок о Черкесии», черкесский-бжедугский аристократ чингизидского происхождения, выдающийся интеллектuala, писатель и, смело можно сказать, ученый-этнограф); Г.В. Новицкий, русский военный аналитик и офицер по специальным поручениям при фельдмаршале И.Ф. Паскевиче; К.Ф. Сталь, автор обстоятельного этнографического описания Черкесии, опиравшийся на информацию черкесского интеллектuala из числа абадзехов Умара Берсея, преподавателя Ставропольской гимназии, имевшего каирское и

парижское образование, поскольку в юности и в молодые годы он являлся мамлюком египетского хедива Мухаммада Али (Сталь); Н.И. Карлгоф, военный аналитик, полковник, служил на Черноморской береговой линии с 1845 по 1854 гг.; и еще ряд работ, имеющих значение первоисточника.

Нет в работах этих авторов ссылок на классическую кавказоведческую монографию В.К. Гарданова, которая является той необходимой базой, без ознакомления с которой попытки дать новое осмысление проблеме черкесской демократической трансформации имеют мало шансов быть успешными. Так, В.К. Гарданов в разделе «Адыгские “братства”» (с. 243–264) отмечает, что они превратились в соответствующих условиях в «боевые органы крестьянской самозащиты и борьбы» (Гарданов, 253).

Данная статья представляет собой попытку анализа процессов в Западной Черкесии (Натхокуадже, Шапсугии, Абадзехии) в XVIII — первой трети XIX в., сделавших возможным переход из иерархического общества в эгалитарное.

Географический фактор формирования эгалитарных обществ

Базовым фактором развития социальных процессов, направленных на эмансипацию зависимых групп населения, признается укромность ландшафта. Р.Ю. Виппер подчеркивал, что архаическая Греция сформировалась под защитой четырех горных хребтов, которые делали очень тяжелой задачу большого разорительного вторжения (Виппер, 21). Южная часть Балканского полуострова, освоенная греками, представляла собой сочетание относительно невысоких хребтов, предоставивших своего рода отсеки для автономного существования общин, и морской преграды между этим ареалом развития полисной среды и сильными военными державами Передней Азии.

«Наиболее благоприятной средой, — отмечает А.В. Коротаяев, — для полного развития «полисных» структур оказывается, видимо, не просто горная страна, а горная страна,

«погруженная» в море, побережье (желательно максимально взрезанное) подобной горной страны» (Коротаев, Горы..., 88–89). В этом отношении, причерноморские земли от Суджук-кале на западе до Шахе на востоке имели достаточно благоприятные условия для появления небольших самоуправляющихся обществ (ранних натухайского и шапсугского), отделенных от политий равнинной Черкесии Главным Кавказским хребтом.

Вопрос о географической обусловленности феномена полисной жизни был осмыслен самими греками. Близость и удобное положение относительно моря, наличие гавани, по Аристотелю, было одной из предпосылок создания наилучшего полиса (Аристотель, 47). В Лигурии, невысокие горы которой полумесяцем обрамляют одноименный залив, возник один из самых могущественных средневековых полисов — Генуэзская республика. Византийский интеллектуал и церковный деятель Мануил Олово (1245–1310) сравнивал Геную с Афинами (Эпштейн, 243).

Автономные, демократически управляемые общества могли развиваться не только благодаря горным преградам, но и болотам, водным барьерам в виде сложноструктурированных речных дельт. А.В. Коротаев приводит примеры этого рода: «древнерусские квазиполисные структуры» среди белорусских лесов и болот; крестьянская республика в Дитмаршене. На многочисленных островах Венецианской лагуны возникла Венецианская республика.

Демографический фактор: рост численности горских обществ Северо-Западного Кавказа

Укромно расположенные, эти общества могли численно расти в тот период, когда равнинные политии, иерархически структурированные, демографически регрессировали (под сильными ударами и постоянным давлением кочевнических армий).

Усиление племен нагорной части Черкесии началось, по всей видимости, в XVII в. На протяжении XVIII в. земли княжеств Хегак, Жанэ, Хатукай и, частично, Темиргой были заняты быстро растущими общностями натухаевцев, шапсугов, абадзехов. Л.

Люлье и С. Хан-Гирей отмечали, что натухаевцы и шапсуги изначально составляли одно объединение из пяти кланов: Натхо (Натххо), Нетахо (Нетдахо), Кобле, Схапете (Сшххпете), Сотох (Севотох или Соттоххо) (Люлье, О натухажцах..., 228; Султан Хан-Гирей, 172).

Благодаря какому социальному механизму эмансипировались эти горские общества?

Ответ дан Султаном Хан-Гиреем: «устав соприсяжного собратства» (Султан Хан-Гирей, 178). Переселенца или беглеца любого происхождения и социального статуса принимали в определенный род («должно принимать в сочлены того рода, к которому беглый явится»); но присягает он «быть верным новому своему обществу», т.е. коалиции соприсяжных родов (например, Натхо). «Как бы то ни было, обычный этот устав соприсяжного собратства был гробом власти высшего класса во всей Закубанской Черкесии» (Султан Хан-Гирей, 179).

«**Сеть доверия**, предлагаемая расширенным родством, оказалась необходимым условием для этого самоосвобождения» (Дерлугьян, 46). Дворянское войско может доминировать над территориальными обществами-псухо, но не над такими псухо, на территории которых проживали соприсяжники, опирающиеся на поддержку «братьев» со всех районов Абадзехии. Лонгворт говорит об эффекте смешавшихся, перемешанных связей общества: горец был деятелем и участником как «братства», так и «прихода» и «псухо», в которых рядом проживали представители нескольких братств.

Шапсуги принимали и бывших зависимых крестьян из Абадзехии: у Л.Я. Люлье приводится пример переселения к шапсугам большого семейства Тлебзу, которые разорвали свою связь с тлекотлешами Едыговыми (Едыдж) (Люлье, О натухажцах..., 229). Имущество бывших крепостных потребовало триста арб (!), что говорит очень многое о положении так называемых *пшитлей*, «крепостных», наиболее преуспевающие семейства которых могли материально превосходить многих представителей элиты. Соответственно, уход такого неспешного и организованного характера предполагает юридически зафиксированный

договор между господином и подвластным. Практики привлечения в свой полис или в свое племя чужаков, предоставление им убежища носят универсальный характер. Именно таким путем усилился ранний римский полис, который принимал не только беглецов, но и знатных представителей италийских народов, которые переселялись вместе со своими клиентами и сразу получали гражданство (Тит Ливий, 76).

У бжедугов также шел процесс эмансипации массы тфокотлей, который ускорился на фоне Кавказской войны и под влиянием горцев. В 1856 г. бжедугские тфокотли изгнали в ходе *Пщы-оркъ зао* («войны против князей и дворян») собственную элиту на русскую сторону Кубани (Чирг, 157).

Идентичность адыга описывалась как сочетание родственного и территориального принципов. «Чтобы точно обозначить адыга, нужно назвать его народность, его племя (соприсяжное общество, *прим. С.Х.*), и его род, его реку и указать название его сотни дворов. Например: Ендрис Хантох, Емис, шапсуг, Антхир, Окецикос. Это значит: Ендрис из фамилии Хантох, из племени Емис, народности шапсугов, который живет на реке Антхир в сотне дворов, или юнэ-из, Окецикос» (Лапинский, 78).

Основным юридическим и символическим актом единения соприсяжных объединений являлась клятва. Этот символический акт носит совершенно универсальный характер. Тит Ливий писал, что Римом «правили верность и клятва» (Тит Ливий, 28). Чтобы усилить эффект принесения клятвы воображение римлян и других италийских народов создало специальные божества, которые надзирали за верностью клятве (Тит Ливий, 512, прим. 79).

Собрание соприсяжников на адыгском обозначалось как *тхъарыло хас*, что дословно означает «клятвенное собрание» (Люлье, О натухажцах..., 235). Начав расти как родственный коллектив (то есть как племя), шапсуги неизбежно эволюционировали в племя политическое. Они целенаправленно принимали в свои ряды свободных и зависимых крестьян — выходцев из равнинных княжеств. Может казаться, что объединение через принесение клятвы носит архаический характер. Но этим способом пользовались в самой передовой с точки зрения развития

социальных институтов и практик части Европы. С. Эпштейн отмечает, что генуэзская коммуна — компания (*ital. compagna* от лат. *compagnia* — объединение) — была создана путем принесения клятв и являлась, по сути, «клятвенным сообществом граждан» (Эпштейн, 72).

Жак Ле Гофф отметил роль клятвы в организации городской коммуны и феодальной элиты: «Ментальность горожан, по крайней мере вначале, отличалась эгалитаризмом, основанным на горизонтальной солидарности, объединявшей людей *благодаря клятве* в сообщество равных; феодальная же ментальность, тяготевшая к иерархии, выражалась в вертикальной солидарности, *цементируемой клятвой верности*, которую низшие приносили высшим» (Ле Гофф, 89). Создавались не только городские, но и сельские коммуны, «состоящие из федераций деревень» (Ле Гофф, 271). На основе клятвы был сформирован в 1291 г. Швейцарский союз (Ле Гофф, 101).

Клятва была в центре церемониала, сопровождавшего включение индивида в состав братства. «В заключение присяги, — писал Новицкий, — вступающий в число присяжных братьев прикладывает к челу своему Алкоран. С сего времени он равняется со всеми коренными жителями, права его и собственность обеспечиваются, и он принимается всеми как товарищ и брат» (Гарданов, 256). Коран выставлялся подвешенным на небольшом шесте посреди собрания, что отображено в дневнике Бэлла при описании судебного заседания в Адлере в 1839 г. (Бэлл, 2..., 253).

Соприсяжничество у горцев подкреплялось еще и ритуально скрепленным побратимством (куначеством), которое было связано с высоко почитаемыми обычаями гостеприимства. У античных греков также существовал аналог куначества в виде так называемой **проксении**, ритуального гостеприимства-побратимства, которое скрепляло отношения на частном уровне и на уровне полисов. Проксения была своеобразным дипломатическим институтом, при помощи которого стороны заключали политические союзы (Шарнина, 129–142). У римлян гостеприимство также носило характер особой формы политических отношений и город заключал с гражданами других городов или с

представителями племен договоры о гостеприимстве (hospitium) (Тит Ливий, 80, 522, прим. 57).

Соприсяжное братство как искусственно созданное племя

М.А. Агларов подчеркивает, что племена (филы) и роды (фратрии) древних греков, стоявшие у истоков полисов, представляли собой искусственные образования, возникшие на территориальной основе (Агларов, 133). М. Манн также развивает мысль о том, что филы и фратрии уже в архаический период или даже в темные века были «военными группировками, добровольными ассоциациями воинов» (Манн, 300). Затем и эти искусственно созданные племена были отодвинуты от управления благодаря целенаправленной реформе Клисфена, который, по выражению Аристотеля, «перемешал все население Атики» с тем, чтобы подорвать власть аристократии. Необходимое для появления территориальной лояльности перемешивание у черкесов было достигнуто в силу объективных природных и хозяйственных факторов. Так, шапсугская фамилия Ачмиз, насчитывавшая две тысячи дворов, к 1841 г. оказалась расселенной на реках Убин, Иль и на побережье (Материалы, 21).

В черкесском варианте развития эгалитарной общности мы имеем дело со значительной этнической однородностью (гомогенностью). Таким образом, встает **проблема существования молодой общности внутри старого этноса**. Более 80% причерноморских шапсугов принадлежат к гаплогруппе G2a3b-P303, что свидетельствует прямо о происхождении от одной небольшой родственной группы (Теучеж, 58). Перед нами халдуновская «асабийя», солидарная, сплоченная группа, выступающая важным актором истории (Бациева). Затем, около 1750 г. это уже не просто племя, а политическое объединение на основе включения в свой состав крестьян из равнинных политий.

Вооруженное среднее сословие

Коренной перелом в соотношении сил между сословиями был подготовлен, в основном, двумя факторами: увеличением численности и распространением огнестрельного оружия. Рыцарское войско в условиях Северного Кавказа перестало быть

эффективным в середине XVII в. Одновременно вообще любое значительное конное войско перестало доминировать. Это отразилось на характере крымско-черкесских отношений. Ружье уравнило шансы крымцев и черкесов. Внутри же Черкесии оно уравнило шансы дворян и простолюдинов. После ликвидации Крымского ханства и появления значительных масс русской регулярной армии значение дворянской конницы черкесов понизилось еще сильнее. Сдержать русское наступление могло только сочетание огнестрельного оружия и горного ландшафта.

Дж. Бэлл отмечал влияние торговли и роста богатства, сосредоточенного в руках среднего сословия, на общественный переворот. Второй фактор, отмечаемый англичанином: распространение огнестрельного оружия (Бэлл, I..., 367–368).

В итоге, рядовое население Черкесии перестало кормить всадников-аристократов и снаряжать их на войну². Г.М. Дерлугьян отмечает совершенно справедливо, что «влияние оружия на социальную структуру, вероятно, не было немедленным» (Derluguian, 45). Исторически этот процесс напоминает военно-технологическую революцию раннего железного века, которая дала преимущества фаланге *гоплитов* (гоплит — «тяжеловооруженный»), которая почти совершенно вытеснила аристократическую конницу. От 1/5 до 1/3 самых состоятельных взрослых мужчин становились гоплитами (Манн, 303). «Такая широкая квалификация по уровню благосостояния, а не узкая по праву рождения была революционной. Это вытолкнуло военную формацию и богатое крестьянство на территориально организованную рыночную площадь, подальше от родовых организаций, в огромную концентрацию локальной коллективной власти — гражданство» (Манн, 303–304). «Никогда прежде крестьяне не правили цивилизованным обществом (впоследствии

² Использование доспехов при их сниженной функциональности продолжилось вплоть до 30-х годов XIX в. 40-е годы стали переходным периодом, а в 50-е годы с появлением штуцера и пули Минье панцирь окончательно отошел в сферу символической репрезентации властного статуса. Именно этим объясняется присутствие черкесов в доспехах и с колчанами на встрече с Александром II в сентябре 1861 г. *Прим. С.Х.*

это также было большой редкостью) путем большинства голов после свободной дискуссии на публичных встречах» (Манн, 302).

Гоплиты были социально однородны и принадлежали к классу *зевгитов*, мелких и средних землевладельцев-крестьян, имевших достаточный для собственного вооружения доход (Андреев, 87). Соответственно, полис можно рассматривать как «военно-политический союз свободных собственников» (Андреев, 93). Это имело такое военно-стратегическое последствие, что войско, составленное из крестьян, пусть и хорошо тренированных, не могло и не стремилось к захвату территорий и городов (Манн, 306). Таким образом, качество войска способствовало раздробленности Эллады на множество полисов.

Аристотель был убежден в том, что «средние граждане» более всего склонны к хорошему образу правления и из них выходят самые лучшие законодатели (Аристотель, 508). Великий философ подчеркивал, что крайняя нищета и богатство порождают беспорядки и кровавые внутриволисные конфликты, в которых часто гибнут богатые граждане, и присоединился к высказыванию Фокилида: «У средних множество благ, в государстве желаю быть средним» (Аристотель, 508).

Идеал государственного устройства с доминированием средних по доходам граждан Аристотель усматривал в строе (правлении) Четырехсот и Пяти тысяч, когда полноправными были лишь те, кто способен был вооружиться на свои средства. Согласно Аристотелю это был качественно иной строй, нежели демократия: он называет его политией и *катастасисом* (κατάστασις — «установление, учреждение, устройство», «порядок»). (Доватур, 206–207). Безудержная власть демоса превращалась во власть толпы, которая правила, казалось бы, совершенно легитимно через народное собрание, но издавая декреты, идущие вразрез с принятыми ранее законами. Сдерживание черни, обладавшей гражданскими правами, порождает в схожих системах схожие тактики: в Генуе в 1395 г. дож Адорно созвал в Палаццо Дукале собрание 700 (Эпштейн, 381).

Прямо в соответствии с аристотелевскими критериями оптимального среднего государственного устройства, в Черкесии к

власти пришли зажиточные мелкие и средние землевладельцы (*старшины* русских источников). Первый элемент соприязного общества, согласно Н. Карлгофу, это свободное семейство со своими подвластными и рабами. Он использует определение «среднее сословие», считая его статус господствующим, наряду с князьями и дворянами (Карлгоф, 539–540). Часть старшинской верхушки шапсугов может быть определена как высший слой среднего класса, как зарождающаяся буржуазия: как писал С. Хан-Гирей, «есть между ними люди, способные к производству торговых оборотов» (Султан Хан-Гирей, 173). С другой стороны, их можно назвать и «новым неродовитым дворянством» (Сивер, 81).

Самая главная обязанность северокавказских «гоплитов» — быть вооруженным защитником. Если от небольших рейдов можно было уклониться и участие в них носило добровольческий характер, то масштабная агрессия против горской республики требовала всеобщей мобилизации (Люлье, О натухажцах..., 236).

В противоположность повышенной социальной конфликтности эллинов, **институциональная трансформация у черкесов происходила преимущественно мирным путем**. «Полисы» у черкесов союзна и лояльны друг другу: «У абадзехов каждое общество (хальб) разделяется на общины (псухо), независимые друг от друга, *но не враждебные* между собой, а тесно связанные союзом (блягага)» (Сталь, 86).

В 1796 г. шапсугское дворянство спровоцировало кровопролитие с народом, обратившись за поддержкой к старшему князю бжедугского владения Хамышей. Но убийств из-за угла не было ни до, ни после. Люлье отмечает особо это обстоятельство: «Надобно однако же заметить, что во время этих смут ни один дворянин не сделался жертвой вражды простолюдинов» (Люлье, О натухажцах..., 234). В период наибольшего ожесточения, сразу после 1796 г., соприязники объявили **бойкот** дворянам: «дома простолюдинов закрылись для дворян»; «последняя мера сохранилась в памяти народа под названием *харам*; она оставалась в полной силе до тех пор, пока брожение умов не утихло» (Люлье, О натухажцах..., 234). Относительно

небольшая группа шапсугских дворян во главе с Султан-Али Шеретлуко в 1799 г. переселилась в российские пределы (Чемсо, 17–19).

Соответственно, исходя из общей картины, следует признать, что сотворцами демократических изменений в Западной Черкесии были местные дворяне: Шупако, Зазиико и др. в Натхокуадже; выдающийся военачальник Кизбеч Шеретлуко у шапсугов; практически в полном составе сохранялось абадзехское дворянство. Ситуация сложилась таким образом, что знатные фамилии согласились на определенное понижение своего сословного статуса или упрощение связанных с ним социальных практик, далеко не только цены крови. Они трансформировали себя в новое качество национальных лидеров, народных трибунов, приглашаемых командовать военачальников. У. Хорак отметил этот инклюзивный характер демократических институтов у черкесов, позволивший представителям знати, воспринявшим интересы народа как свои собственные, «стать причастными к демократии» (Норак, 67). Люлье отмечал в этой связи, что «большая часть из них решила остаться на родине, в надежде на прежнее свое влияние и на своих приверженцев (*clientelle*); но не пользуется другими преимуществами, кроме тех, которые дают ум, красноречие или храбрость» (Люлье, О натухажцах..., 234). Это напоминает стратегию вживания в демократию генуэзской знати, которая устала бороться с ревностно настроенными пополанами и от стратегии открытого доминирования, характерного для XII–XIII вв., на протяжении XIV столетия перешла к закулисному оперированию.

Дж. Бэлл подчеркивал важный **идеологический фактор** усиления среднего сословия у черкесов, который состоял в распространении идеи «абсолютного равенства, проповедуемого турками, основанного на том кораническом положении, что все люди равны перед Богом» (Бэлл, I..., 367–368). В качестве идеологии не только проповедниками, выходцами из простонародья, но и османскими наместниками и религиозными авторитетами была составлена трактовка ислама, подтверждающая правомочность действий, направленных на освобождение от социального угнетения. Наблюдая растущую мощь черкесского

среднего класса, османское правительство сделало ставку на него как на союзника в деле противодействия царистской экспансии. «В борьбе с княжескими привилегиями вожди повстанцев обратились к изначальным исламским идеям равенства и главенства рационального шариатского закона. Это была типично простолюдинская моральная контридеология, аналогичная крестьянским войнам Европы и Реформации» (Дерлугьян, 152–153).

Натухай, Шапсугия и Абадзехия **почти полностью изжили уголовный бандитизм**, настолько эффективно здесь подействовало выравнивание в правах и созданная система сдержек и противовесов. Эффективная власть народного собрания и присяжных судов сделала бандитизм невозможным как массовое явление. Ш.Б. Ногмов подчеркивал кардинальное отличие в этом плане шапсугов от кабардинцев: «Между шапсугами существует в полном смысле взаимная любовь и братское согласие. Один другому зла не делает, а готов оказать всевозможную помощь» (Ногмов, 112). Здесь надо отметить, что это не было неким исконным состоянием приверженности «древним обычаям» в их «полной чистоте», что для Ногмова соответствует мифу о «золотом веке». Социальная упорядоченность шапсугов была результатом социальной трансформации, сформировавшей общество полисного типа.

Дж. Лонгворт с удивлением сообщал, что за весь год его нахождения среди черкесов он слышал только об одном убийстве, совершенном к тому же психически больным человеком. «Ни в какой другой стране мира, — отмечал Дж. Лонгворт, — поведение народа не является более умеренным и достойным» (Лонгворт, 208). Ни этот, ни другие авторы, длительно наблюдавшие условия жизни в этой части Черкесии (Л. Люлье, Т. де Мариньи, Дж. Бэлл) не зафиксировали проявлений не только социального, но и уголовного бандитизма. Полностью уголовный разбой, конечно же, исчезнуть не мог. Яркий пример разбойника «полисного» периода — абрек Донекей из шапсугской тфокотльской фамилии Дзер (Султан Хан-Гирей, 523–524).

Дж. Лонгворт считал, что снижение конфликтности в обществах Западной Черкесии и почти полное искоренение таких

преступлений как убийство и разбой были следствием социального переустройства, и встраивания местной знати в демократические политические структуры (Лонгворт, 208). «Вообще убийства весьма редки и считаются необыкновенным происшествием в крае»; «грабеж и разбой по дорогам у горцев не существует» (Люлье, Учреждения..., 7, 9). Н. Карлгоф дал очень высокую оценку уровню общественного спокойствия на территориях демократических племен (Карлгоф, 532). Это состояние можно считать закономерным: «Избавившись от наиболее агрессивных представителей своей знати, Генуя наконец вздохнула свободно» (Эпштейн, 152).

Народное собрание. Переход от родовой лояльности к территориальной

У. Хорак считает сопоставление черкесских демократически управляемых обществ с греческими полисами, которое проводили европейские наблюдатели XIX в., проявлением романтического восприятия черкесов и их борьбы (Horak, 45). Статья содержит ссылки на К. Маркса и даже заявляется, что «как и французские крестьяне, черкесские крестьяне “не могут представлять себя, они должны быть представлены” (Маркс, «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта»)» (Horak, 63).

Заметим, что если кто и мог себя представлять, так это черкесские крестьяне, свободные, вооруженные лучше русских солдат, зажиточные (даже в условиях войны), создавшие успешно функционирующее самоуправление. «Вольные земледельцы в племенах, имеющих народное правление, — писал Султан Хан-Гирей, — не зная над собою никакой власти иного класса, пользуются совершенною свободою и составляют собою, так сказать, самостоятельный народ; каждый из них есть член целого колена и независимость одного сопряжена с безопасностью целого общества» (Султан Хан-Гирей, 106).

П. Мэннинг развил целое теоретическое построение на ошибочном утверждении Дж. Лонгворта о том, что демократическое представительство у черкесов носило *виртуальный* характер. Согласно британцу, участники народных собраний никого конкретно на самом деле не представляли, поскольку их не

избирали на местах. Они просто тонко чувствовали настроение массы и, обладая большим личным авторитетом, брали на себя полномочия говорить от имени той или иной группы, племени, всего народа. Подобный тезис должен был бы насторожить П. Мэннинга и заставить его провести обычную сопоставительную работу. Но нет, он абсолютно доверился тексту Лонгворта, рассматривая его утверждения в разделе «Виртуальное представительство: черкесские советы» (Virtual Representation: Circassian Councils) (Manning, 607–613).

П. Мэннинг создает такие определения, которые искусственно усложняют картину общественной жизни черкесов и рисуют ее в экзотических тонах: «черкесская система непредставительства»; «у черкесских советов отсутствовали все свойства парламентаризма, не было ни права голоса, ни представительства, да и делегированных органов, которым можно было бы доверить исполнение его решений»; «черкесские представления о личной автономии отрицали любую возможность представительных форм демократии, как и любое понятие формального делегирования или представительства как такового» (Manning, 608–609).

Эти надуманные построения полностью проваливаются при прочтении большой группы источников. Черкесский старшина (ад. *тхьаматэ*) являлся избранным депутатом народного собрания или суда. «Способов созывать депутатов или представителей народных два: первым из них от каждого племени (clan) назначается определенное число доверенных лиц, для выбора которых племя должно предварительно собраться; вторым же выбор делается: у магометан от *джемаата*, а у жителей прибрежья морского, где еще не водворился закон Магомета, от *тгахалха*, которые можно сравнить с нашими церковными приходами. Преимущественно употребляется последний способ» (Люлье/1857, 235). Н. Карлгоф отмечал, что депутаты на народное собрание посылаются от *псухо* («долин») (Карлгоф, 531).

Г.В. Новицкий определенно говорит о выборности и в состав собрания, и в состав присяжного суда: «Земли сих народов разделяются на округа; в каждом округе находится общество *избранных* старейшин, и суд, который они производят,

называется *хас*. <...> В совет присяжных судей *выбираются* старейшины испытанного ума, честности и храбрости. Князь, дворянин и простой *одинаково выбирается* в сие почетное звание, если кто заслужил оное прошедшей примерной жизнью. Удостоенный сохраняет звание сие на всю жизнь. По смерти же одного из судей достойнейший из среды народа *выбирается на его место*» (Гарданов, 260–261). То есть, нет речи о том, что кто-то вообще мог себе позволить говорить от лица общества без процедуры выборов. А в случае с присяжными судьями это и вовсе немислимо: статус пожизненный, все знают о том, что данный индивид имеет этот статус, что у него есть «место», которое никто другой не может занять. В физическом смысле это место находилось в священной роще, в кругу таких же избранных судей.

Султан Хан-Гирей в 1836 г. отмечает, что абадзехи, шапсуги и натухаевцы «избирают старшин в присяжные судьи, каковых судей каждый *тхалшь* или *приход* имеет по несколько человек» (Султан Хан-Гирей, 118). Термин *тхалшь* («приход») у Султана Хан-Гирея обозначает немногочисленное общество из нескольких аулов («округ» у Новицкого) и восходит к понятию христианского прихода (церковной общины). «Когда же бывают дела, касающиеся до всего племени, то старшины эти съезжаются в одно место» (Султан Хан-Гирей, 118).

Большую роль в ходе общественно-политических преобразований у абадзехов, шапсугов, натухайцев и убыхов сыграло Адагумское собрание, длившееся с февраля 1848 г. по февраль 1849 г. Тяжело представить, чтобы годовое по длительности собрание было составлено из случайных лиц, не наделенных полномочиями от псухо. Результатом работы этого собрания явилось создание единой административно-судебной системы и образование конфедеративного государства (Чирг, 109–112). Вся территория конфедерации была разделена на административные участки по 100 дворов в каждом. Участки одной долины (псухо) управлялись советами старшин. Начальник Черноморской береговой линии А.И. Будберг сообщал заместнику Кавказа М.С. Воронцову о целях Адагумского собрания следующее: «Народное собрание в Адагуме имело обширную политическую

цель: устроить из черкесских племен, населяющих край от Кубани и Лабы до Черного моря, одно связанное целое и поставить народ в такое положение к нам, в каком находится одна независимая держава к другой» (Чирг, 113).

Таким образом, полисоподобная структура у черкесов была связана не с соприязычными братствами, а с территориально организованными политиями. Эгалитаристская трансформация опиралась и на силу соприязычного братства, и на силу псухо. В соответствии с ландшафтом и под воздействием социально-политических факторов, полисоподобное территориальное сообщество со своим собранием и судом могло оставаться самостоятельным, но могло и сливаться с подобными ему соседними образованиями в крупную политию.

Это и есть процесс **синойкизма**, слияния поселений в полис, происходивший в архаической Греции. И, если у греков было время для этого процесса, под прикрытием гор и отсутствия больших вторжений, то у черкесов шансов на спокойную и независимую жизнь не было ни в XIX в., ни до того. Синойкизм на примере «вольных обществ» Дагестана рассмотрен в монографии М.А. Агларова (Агларов, 200). Это его наблюдение поддержано Л.Е. Грининым: «Некоторые общины насчитывали до 1500 и более домов, то есть были размером с небольшой полис, и имели многоуровневую (до пяти уровней) систему самоуправления» (Гринин, 25).

В XIX в. в Западной Черкесии существовали крупные населенные пункты, которые обозначаются в источниках как «огромные аулы». Примеры таких аулов в Абадзехии по воспоминаниям К. Гейнса: «большой аул» Исхака Соолохова; «огромный аул» эфенди Багова; «огромный аул» Мартуко-Хабль (Гейнс, 19, 20, 35). В равнинной части Большой Шапсугии: аул Кабаниц «лежал на обоих берегах Иля, раскинувшись в густом лесу более чем на 3 версты вверх по реке, и состоял из нескольких, один возле другого расположенных аулов» (Богуславский, 320–322); аул Убин, 800 дворов, протяженность 8 верст, был расположен у оживленной транспортной артерии — так называемой Анапской или Генуэзской дороги (Богуславский, 323); аул Схунокояк, «имевший до 1000 сакель», на правом берегу

Афипса (Богуславский, 327); аул Мерчан, «весьма населенный», на правой стороне Абина (Корганов, 98–99); аул Кияб, более 1500 дворов, на р. Азипс (Корганов, 102); «большой, укрепленный завалами аул Камелюк, находящийся между рр. Убином и Афипсом» (Проблемы..., 168).

Политическая повседневность на территории соприсяжных обществ охватывала массу людей

«Люди свободные, — заметил Э. де ла Боэси в середине XVI в., — стремятся сделать как можно больше для общего блага; каждый в меру своих сил старается сделать все возможное; они все хотят иметь свою долю либо в беде поражения, либо в благе победы» (Ла-Боэси, 26–27).

Соприсяжник у черкесов был обязан принимать участие в общественных делах (Карлгоф, 526), что также находит аналогию в греческом полисе (гражданин, уклоняющийся от общественной деятельности, считался *идиотом*, умственно и духовно неполноценной личностью). Анри Мишель, разбирая концепцию Бенжамена Констана, отмечал: «В античных республиках граждане потому более дорожили верховною властью, что действительно пользовались ею на общественной площади. Осуществление своей воли было для них живым и постоянным удовольствием» (Мишель, 275). Ж.-Ж. Руссо, задавшись вопросом: существуют ли в новом мире народы, способные к законодательству, дает парадоксальный, на первый взгляд, ответ — только корсиканцы (Мишель, 62).

Постоянное участие в общественной жизни, которое было сопряжено с произнесением речей на собраниях, сделало **ораторские навыки** высоко ценимыми среди черкесов. Причем, умение излагать свою точку зрения, выступать в судебных прениях специальным образом тренировались в аристократической среде (Дубровин, 226). По мере формирования демократически управляемых территорий ораторство получило развитие в среде тфокотлей (Люлье, Учреждения..., 4). Ю.М. Ботяков отметил, что и в этом отношении культура горцев напоминает античные образцы (Ботяков 253).

Выводы

Самоуправляющиеся общества у черкесов были основаны на сочетании двух принципов лояльности: территориального или локального (полисного) и экстерриториального (в рамках соприязыжного братства). Это избавило черкесов и от столкновений между территориальными «полисами» (крупными территориальными объединениями псучо), и от столкновений между соприязыжными братствами.

Соответственно новый политический строй черкесов не был полисным, но только имел значительный набор полисных черт. Это было полисоподобное устройство с развитыми институтами самоуправления и доминированием среднего сословия.

Возникла отчетливо выраженная способность к переменам, что означало важный культурный переход, связанный с отказом от *мимесиса*. В традиционном обществе, считал А.Дж. Тойнби, мимесис (подражание, воспроизведение) «обращен назад, на прошлое, правит обычай, и это общество остается статичным» (Тойнби, 102). Мимесис на адыгской или кавказской почве предполагает воспроизводство той социальной и культурной модели, которая завещана сакрализованными предками. Люди в полисоподобных формациях западной части Черкесии стали стремиться к равноправию, модернизации, всеобщей грамотности, экономическому развитию, интеграции в мировое сообщество в качестве полноценного государства.

Библиография

Агларов М.А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII — начало XIX в. (Исследование взаимоотношения форм хозяйства, социальных структур и этноса). М.: Наука, 1988. 240 с.

Андреев Ю.В. Греция в архаический период и создание греческого полиса // История древнего мира. Расцвет древних обществ. М.: Главная редакция Восточной литературы, 1983. С. 69–93.

Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 4 / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А.И. Доватура. М.: Мысль, 1983. 830 с.

Бациева С.М. Историко-социологический трактат Ибн Халдуна «Мукаддима». М.: Наука, 1965. 223 с.

Богуславский Л. История Апшеронского полка. 1700–1892. Т. II. СПб., 1892. 552 с.

Бондаренко Д.М. Родственный и территориальный принципы организации общества и феномен государства // Ранние формы политических систем. СПб.: МАЭ РАН, 2012. С. 99–134.

Бондаренко Д.М., Коротаев А.В. Политогенез, «гомологические ряды» и нелинейные модели социальной эволюции (К кросскультурному тестированию некоторых полиантропологических гипотез) // Общественные науки и современность. 1999. № 5. С. 128–139.

Ботяков Ю.М. Публичная личность и ораторская традиция в меняющихся политических и социальных условиях Западного Кавказа // Традиции народов Кавказа в меняющемся мире: преемственность и разрывы в социокультурных практиках. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010. С. 234–305.

Бэлл Дж. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 годов. В двух томах. Пер. с англ. К.А. Мальбахова. Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», издательский центр «Эль-Фа», 2007. Т. 1. 408 с.; Т. 2. 328 с.

Васильев Л.С. Восток и Запад в истории (основные параметры проблематики) // Альтернативные пути к цивилизации: Коллективная монография. М.: Логос, 2000. С. 96–114.

Виппер Р.Ю. Лекции по истории Греции. Очерки истории Римской империи (начало). Избранное сочинение в двух томах. — Т. I. — Ростов н/Д: Издательство «Феникс», 1995. 480 с.

Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов. (XVIII — первая половина XIX в.). М.: «Наука», 1967. 331 с.

Гейнс К. Пешеходный отряд с октября 1862 г. по ноябрь 1864 г. // Военный сборник. 1866. № 1. С. 3–58.

Гринин Л.Е. Ранние государства и их аналоги в политогенезе: типологии и сопоставительный анализ // Ранние формы политических систем. СПб.: МАЭ РАН, 2012. С. 9–98.

Дерлугьян Г. Как устроен этот мир. наброски на макросоциологические темы. М.: Изд.-во Института Гайдара, 2013. 384 с.

Доватур А.И. Политика и Политии Аристотеля. М.: Наука, 1965. 391 с.

Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. I: Очерк Кавказа и народов его населяющих. Книга I: Кавказ. СПб.: В Типографии Департамента уделов, 1871. 640 с.

Карлгоф Н. О политическом устройстве черкесских племен, населяющих северо-восточный берег Черного моря // Русский вестник. Т. XXVIII. № 8. М.: В типографии Каткова и К^о, 1860. С. 517–550.

Классен Х.Дж.М. Проблемы, парадоксы и перспективы эволюционизма // Альтернативные пути к цивилизации. М.: Издательская группа «Логос», 2000. С. 6–23.

Корганов А.С. История 45-го драгунского Северского его величества короля датского полка. Тифлис: типография А.А. Михельсона, 1884. 392 с.

Коротаев А.В. Горы и демократия: к постановке проблемы // Восток. 1995. № 3. С. 18–26.

Коротаев А.В. Социальная история Йемена, X в. до н.э. — XX в. н.э. Вождества и племена страны Хашид и Бакил. М.: Комкнига, 2006. 192 с.

Крадин Н. Политическая антропология. М.: Логос, 2004. 270 с.

Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингис-хана. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2006. 557 с.

Ла-Бозси, Этьен де. Рассуждение о добровольном рабстве / Пер. и комм. Ф.А. Коган-Бернштейн. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 200 с.

Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада: Пер. с фр. М.: Издательская группа Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. 376 с.

Лапинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Описание очевидца Теофила Лапинского (Теффик-бея), полковника и командира польского отряда в стране независимых кавказцев / Пер. В.К. Гарданова. Нальчик: «Эль-Фа», 1995. 463 с.

Лонгворт Дж.А. Год среди черкесов / Пер. с англ. В.М. Аталикова. Нальчик: «Эль-Фа», 2002. 541 с.

Люлье Л.Я. Учреждения и народные обычаи шапсугов и натухажцев // ЗКОИРГО. Кн. VII. Вып. 1. Тифлис, 1866. С. 1–18.

Люлье Л.Я. О натухажцах, шапсугах и абадзехах // ЗКОИРГО. Кн. IV. Тифлис, 1857. Отд. I. С. 227–237.

Манн М. Источники социальной власти: в 4 т. Т. 1. История власти от истоков до 1760 года н.э. / Пер. с англ. и науч. ред. Д.Ю. Карасева. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 760 с.

Маслов А.А., Попов В.А. Социально-коммуникативные сети как фактор вторичного политогенеза (к проблеме стадийного и цивилизационного развития доколониальной Тропической Африки) // Ранние формы политических систем. СПб.: МАЭ РАН, 2012. С. 330–349:

Материалы по истории западных адыгов. (Архивные документы 1793–1914 гг.) / сост. А.В. Сивер. Нальчик: Издательский центр КБИГИ, 2012. 158 с.

Мишель А. Идея государства. Критический опыт истории социальных и политических теорий во Франции со времени революции. М., 2008. 536 с.

Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа. Составленная по преданиям кабардинцев. Вступительная статья и подготовка текста Т.Х. Кумыкова. Нальчик, 1994. 232 с.

Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи (20-е — 70-е гг. XIX в.). Сборник архивных документов. Нальчик: «Эльбрус», 2001. 496 с.

Сивер А.В. Шапсуги: Этническая история и идентификация. Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2002. 216 с.

Сталь — Этнографический очерк черкесского народа / Составил генерального штаба подполковник барон Сталь в 1852 году // Кавказский сборник. Т. XXI. Тифлис, 1900. С. 53–173 (Отд. II).

Султан Хан-Гирей: Избранные труды и документы / Составление, подготовка текстов, научное редактирование, комментарии М.Н. Губжоева. Майкоп: ОАО «Полиграф-ЮГ», 2009. 672 с.

Тит Ливий. История Рима от основания города / Редакторы переводов М.Л. Гаспаров и Г.С. Кнабе. Редактор комментариев В.М. Смирин. Т. I. М.: Наука, 1989. 576 с.

Теучеж И.Э. Генофонды абхазо-адыгских народов, грузин и армян в евразийском контексте / И.Э. Теучеж, Э.А. Почешхова, Р.А. Схаляхо, Х.Д. Дибирова, А.Т. Агджоян, Е.В. Балановская и др. // Вестник Московского университета. Серия XXIII *Антропология*. 2013. № 2. С. 49–62.

Тойнби А. Исследование истории / Пер. с англ. К.Я. Кожурина. М.: АСТ МОСКВА, 2010. 1119 с.

Чемсо А.К. Гривенно-Черкесская станица. Краснодар: Известия, 2002.

Чирг А.Ю. Развитие общественно-политического строя адыгов Северо-Западного Кавказа (конец XVIII — 60-е гг. XIX в.). Майкоп, 2002. 204 с.

Шарнина А.Б. Проксения в межполисных отношениях Эллады // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира: Сборник статей. 2014. С. 129–142.

Эпштейн С. Генуя и генуэзцы. 958–1528 / Пер. с англ. И.Д. Травина. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2022. 576 с.

Derluguian, G.M. The Forgotten Complexities of the North Caucasus Past // Кавказология. 2017. № 1. С. 41–55.

Horak, William. Social Revolution in Circassia: The Interdependence of Religion and the World-System // Journal of Caucasian Studies (JOCAS). November 2018 - May 2019. Vol. 4, № 7-8, pp. 37–72.

Longworth, J.A. A Year Among the Circassians. Vol. I. London: H. Colburn, 1840. 312 p. ; Vol. II,

Manning, P. (2009). Just like England: On the Liberal Institutions of the Circassians. Comparative Studies in Society and History, 51(3), 590–618.

